

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДИКАТИВОВ: СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА

Наличие класса неглагольных предикативов, выражающих значения состояния и модальности – особенность славянской грамматики. Словарные описания предикативов, учитывающие современный узус, ни для одного славянского языка не предложены. Целью тематического блока на XVI Международном съезде славистов является определение объема класса предикативов дативно-предикативной структуры в русском, сербском, болгарском, македонском, словенском и украинском языках и анализ факторов, разрешающих пополнение класса предикативов, а также параметров, предсказывающих грамматическое построение предикативов, в частности, оформление семантического субъекта Д.п. и распределение моделей с Д.п. и В.п. семантического субъекта, дативно-предикативных и номинативных конструкций.

А.В. ЦИММЕРЛИНГ
AVZimmerling@pushkin.institute
д-р филол. наук,
главный научный сотрудник
Государственного института
русского языка
им. А.С. Пушкина, профессор
Московского педагогического
государственного университета,
ведущий научный сотрудник
Института языкознания РАН
Москва, Россия

Ключевые слова:
предикативы, дательный
падеж, дативно-
предикативная структура,
славянские языки, синтаксис,
семантика, состояния,
оценки

Наличие класса неглагольных предикативов, выражающих значения состояния и модальности – особенность славянской грамматики, впервые отмеченная Л.В. Щербой [34]. Основная гипотеза Л.В. Щербы, поддержанная А.В. Исаченко, состоит в том, что в русском языке и языках, имеющих сходные морфосинтаксические параметры, семантика состояния выражается неглагольными несогласуемыми выражениями, имеющими признаки части речи – «категории состояния» (далее – КС), или «предикативов» [11], критику этой гипотезы см. в [2]. Н.С. Пospelов утверждал, что постулированное Щербой соотношение синтаксиса и семантики в полном объеме выдерживается для одного класса слов КС, а именно – предикативов дативно-предикативной структуры (далее – ДПС), допускающих или требующих оформления семантического субъекта Д.п. лица и реализующихся в безличном предложении [20]. В связи с этим сторонники Н.С. Пospelова не признают сентенциальные аргументы (инфинитивные обороты и придаточные) в предложениях типа *Васе было стыдно [инф] признаваться в том, что он не читал этой книги]* подлежащими, см. [27, 30, 40, 41]. Для русского языка в силу его морфосинтаксических особенностей (регулярная омонимия согласуемых кратких прилагательных в ср.р. ед.ч. и несогласуемых предикативов и субъектный контроль формы творительного предикативного) данное решение является самым последовательным. В стандартном идиоме русского литературного языка форма творительного предикативного приписывается прилагательному только при наличии подлежащего контролера [33], отсутствие творительного предикативного у предикатива, отсутствие контроля со стороны сентенциального аргумента, ср. **[инф] писать инструкции для зрителя]* ему было противным, естественно объяснить тем, что сентенциальный аргумент в конструкциях с предикативом не достигает позиции подлежащего. Для тех языков, где формы предикативного падежа нет и механизмы согласования и контроля реализуются иначе, нужна другая диагностика. Дативные субъекты предикативов имеют в славянских языках некоторые свойства синтаксических подлежащих [13, 41], при этом валентность на Д.п. лица блокирует возможность выбрать подлежащую группу в И.п.

В работах 1960–2000-х гг. были утверждения о наличии слов КС, в том числе – предикативов ДПС в большинстве славянских языков, см. обзор материала в [12: 280–285; 17: 108–115], также работы о болгарском языке [6, 15], об украинском [1], о чешском [26, 39], о словенском [38, 42], о старославянском [23], о древнеболгарском [9]. Для доказательства тезиса Поспелова нужно уточнить состав класса предикативов ДПС для каждого языка. Парадоксальным образом эта задача в течение 90 лет не была решена даже для русского языка: лингвисты сомневались в определении принадлежности к классу предикативов ДПС на уровне словаря [4: 83]. Ключевая проблема состоит в том, связана ли валентность на Д.п. лица с выражением определенной семантики и диагностирует ли она заданный на уровне словаря класс единиц или она асемантична и предсказывается правилом грамматики. Первое решение, отстаиваемое в [24–26], мотивировано тем, что от многих адъективных основ предикативы ДПС образовать нельзя: в стандартных идиолектах русского языка употреблений типа *“мне гневно, “мне любознательно, “мне боязливо* нет. Второе решение мотивировано тем, что корпуса текстов, например, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и синтаксический корпус системы «Этап-3» [36], фиксируют большое число маргинальных употреблений с Д.п. лица при значительном разбросе лексических значений. Поэтому возникает соблазн вслед за академической грамматикой [35] признать валентность на Д.п. наряду с предложно-падежными выражениями типа *для X-а, у X-а, с X-м* и т.п. одной из реализаций так называемого субъектного детерминанта, т.е. факультативно-го расширителя синтаксических схем.

При подготовке тематического блока к XVI съезду славистов (Белград, 21–27 августа 2018 г.) его участники реализовали следующую программу исследования.

1. Принята за основу гипотеза о том, что во всех славянских языках, где есть предикативы ДПС, их инвариантным значением является *внутреннее состояние*, т.е. значение актуализованного признака, соотнесенного с конкретным одушевленным субъектом в течение отрезка времени [8, 29].

2. Значение внутреннего состояния совместимо с разными типами ситуаций, которые в совокупности образуют *онтологию* конструкции ДПС.

3. Между таксонами онтологии и тематическими группами предикативов есть корреляция.

4. Различия между славянскими языками в плане употребления предикативов ДПС могут быть объяснены в терминах несовпадения онтологий конструкции ДПС в этих языках.

5. Состав класса предикативов ДПС в каждом языке проверяется с помощью анкеты, отражающей распределение предикативов по 15 тематическим классам: в случае необходимости вводятся дополнительные классы.

6. Тестовая анкета используется в рамках двойного социолингвистического/корпусного эксперимента, целью которого является определение среднего объема класса предикативов ДПС в группе испытуемых и количественных параметров варьирования.

7. На основе соотношения ранжированных выборок социолингвистического эксперимента (рейтинг одобрения стимулов тестовой анкеты) и частотности тех же единиц в корпусе устанавливается словарное ядро и объем класса предикативов ДПС в каждом языке. Методика двойного эксперимента и полученные на материале русского языка результаты описаны в [29]. Результаты аналогичного эксперимента на материале болгарского языка представлены в [10].

Для адъективных предикативов ДПС релевантно различие трех типов производящих основ – актантно-поляризованных, от которых предикативы с Д.п. субъекта не образуются (рус. **мне пыльно*), ситуативно-поляризованных, от которых не образуются согласуемые прилагательные (рус. *мне боязно, *боязный*) и амбивалентных (*мне приятно, приятный собеседник*). Тест на сочетаемость с Д.п. лица важен для языков, где есть актантно-поляризованные основы. В статье А.А. Градинаровой [7] сопоставляется конструкция ДПС в болгарском и русском языках и автор заключает, что словообразовательная база данной конструкции в болгарском шире. В статье Л. Митковской [16] исследуется класс предикативов ДПС в македонском языке: валентность на Д.п. лица, по мнению Л. Митковской, может быть связана с разными типами семантических субъектов, как субъектом состояния, так и субъектом оценки. Сходные выводы делают Б. Марич и Д. Керкез, которые утверждают, что сербские предикативы ДПС по сравнению с русскими в большей степени ориентированы на семантику оценки [14]. Альтернативный подход, при котором значения, связанные с оценкой соответствия свойств потребностям субъекта, а не переживаемым физическим состоянием или аффектом, выделяются в особый тематический класс (класс № 15 онтологии конструкции ДПС) слов параметрического признака (ср. рус. *мне темно, светло*, болг. *кораво ми е ‘мне жестко’*), реализован в [10, 29]. Для различения разных типов дативных конструкций требуется синтаксическая диагностика. Для русского языка имеются тесты, подтверждающие, что дативный аргумент предикатива ДПС порождается в той же клаузе,

что и предикатив, и не подвергается операции подъема, т.е. перемещения из нижестоящей клаузы; в других типах дативных конструкций подъем аргумента возможен [28, 30, 32]. Кроме того, русская конструкция ДПС противопоставлена посессивным (ср. рус. *у него проблемы*, **ему проблемы*) и адресатно-бенефактивным (ср. рус. *ему конец*) схемам, не выражающим значения состояния. В балканских славянских языках, где Д.п. используется и для выражения посессивных значений, это противопоставление выражено слабее.

В работах М. Ухлика [22] и Е. Кулинич [13] на материале словенского и украинского языков обсуждается частеречная принадлежность предикативов ДПС и их морфосинтаксическая специфика. Нетривиальной особенностью словенского языка является зависимость реализации дативной валентности от типа клаузы: так, при слове *treba* “надо” Д.п. лица не может быть выражен в утвердительных клаузах [22]. Подобные ограничения русскому, украинскому и болгарскому несвойственны. Это может объясняться тем, что выражение деонтической модальности в словенском языке в меньшей степени связано с предикативами ДПС, чем с личными модальными глаголами *morati*, *smeti*. Наиболее крупный класс модальных предикативов (класс № 2 онтологии конструкции ДПС), пополняемый новыми единицами, выделяется в русском языке. Обратный феномен обязательного заполнения дативной валентности местоименной клитикой на материале болгарского языка рассматривается в [18]. Механизм переключения значений при (не)заполнении дативной валентности предикатива известен и по другим славянским языкам. В болгарском, сербском и словенском языках проявляется одна из ареальных особенностей балканского синтаксиса – семантический субъект предикативов субстантивно-го происхождения обычно оформляется В.п. [17: 109; 15], в связи с чем в онтологии болгарских предикативных структур предикативы, требующие В.п. (ср. блг. *грях ме е*) были выделены в дополнительный тематический класс [10]. В современном македонском языке, напротив, генетически и семантически близкие предикативы получают Д.п. [16].

Л.В. Щерба и В.В. Виноградов [5, 34] считали основным ресурсом становления КС переход наречий в предикативы. В концепции

А.В. Попова [19], ср. также [24, 37] наречные и предикативные употребления деадъективных форм на -о рассматриваются как вторичные контексты реализации кратких прилагательных. На синхронном уровне описания русские, болгарские и македонские предикативы ДПС, используемые в безличном предложении, можно признать омонимами адъективов, используемых в конструкциях с синтаксическим согласованием [31]. В украинском языке коррелятивность прилагательных ср.р. и несогласуемых предикативов утрачена [1, 13]. Как полагает А.А. Градинарова, экспансия конструкции ДПС, т.е. открытость ряда тематических классов в онтологии ДПС в современном русском и болгарском языках связана прежде всего со сферой сетевой коммуникации, так называемой письменной разговорной речью [7]. Напротив, А.П. Башмакова [3] изучает функционирование конструкции ДПС в форме языка, однозначно связанной с устной речью – псковским диалектом русского языка. Данный идиом отличается от рассматриваемых участниками тематического блока славянских языков, включая литературный русский, значением параметра, разрешающего употребление ИГ в И.п. при предикативе, рус. диал. *Яны́ бальшы́е, йим (Д.п.) ма́мка (И.п.) ня на́да*. В литературном русском языке подобные предложения при несогласуемом предикативе ДПС невозможны, но в истории русского языка они представлены. В диахронической перспективе они интерпретируются не как дативно-предикативная структура с подлежащим в И.п. и нарушением предикатного согласования в роде и числе (ср. лит. рус. *им мамка не нужна*, с каноническим согласованием), а как структура с дополнением в И.п., ср. [21].

Можно заключить, что изучение предикативов – область славянского языкознания, лежащая на стыке словарного и грамматического описания. Анализ факторов, делающих класс дативных предикативов ограниченно открытым, относится к грамматике. Изучение условий варьированного воспроизводства словарного ядра и грамматического расширения конструкции ДПС – в большей степени задача компьютерной лексикографии. Оценки объема и состава класса предикативов ДПС во всех славянских языках должны опираться на эксплицитную процедуру и количественные методы анализа. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерш Й.Ф. Семантична характеристика давального відмінка в сучасній українській мові // Українська мова і література в школі. 1974. № 10.
2. Апресян Ю.Д. Синтаксические признаки лексем // Russian linguistics. 1985. Vol. 9. № 2–3.
3. Башмакова А.П. Дативно-предикативные конструкции с безлично-предикативными словами в псковских говорах // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
4. Бонч-Осмоловская А.А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2015». М., 2015. Вып. 14 (21).
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
6. Градинарова А.А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. № 3–4.
7. Градинарова А.А. Дативная модель с предикативом на -о в русском и болгарском языках на фоне ее парадигматических связей // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
8. Зализняк Анна А. Предикаты внутреннего состояния в русском языке. München, 1992.
9. Златанова Р. Структура на простото изречение в книжовния старобългарски език. София, 1990.
10. Иванова Е.Ю. Дативно-предикативные структуры в болгарском языке: статистика эксперимента // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
11. Исаченко А.В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 6.
12. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 1. Братислава, 1965.
13. Кулинич Е. Дативный субъект и предикаты состояния в украинском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
14. Марич Б., Керкез Д. Конструкции типа *Тешко ми је* и *Мука ми је* в сербском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
15. Маслов Ю.С. Категория состояния в болгарском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы. Л., 1981.
16. Митковска Л. Семантика дативно-предикативных структур в македонском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
17. Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Врно, 1987.
18. Петрова Г. Именные предикативы, присоединяющие дательный экспериенцер в болгарском языке: семантика и синтаксис // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
19. Попов А.В. Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.
20. Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2.
21. Ронько Р.В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. № 31 (2016).
22. Ухлик М. Об особенностях дативно-предикативных конструкций в словенском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 5.
23. Ходова К.И. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.
24. Циммерлинг А.В. История одной полемики // Язык и речевая деятельность. 1998. № 1.
25. Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки // Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке / Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левониной. М., 1999.
26. Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции «Диалог 2010». М., 2010.
27. Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2012.
28. Циммерлинг А.В. Предикативы параметрического признака в русском языке // Труды ИРЯ РАН. Вып. 10. М., 2016.
29. Циммерлинг А.В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16 (23). М., 2017. Т. 2.
30. Циммерлинг А.В. Есть ли согласование? Гипотеза Поспелова и конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. М., 2017.
31. Циммерлинг А.В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // Slavistična revija. 2018. № 1.
32. Циммерлинг А.В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5.

Дативные предикативы в славянских языках

33. Циммерлинг А.В. Два диалекта русской грамматики: корпусные данные и модель // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17 (24). М., 2018.
34. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. II.
35. Шведова Н.Ю. Русская грамматика в 2 т. М., 1982.
36. ЭТАП-3 – Лингвистический процессор ЭТАП-3. proling.iitp.ru/ru/etap3.
37. Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives” // Current studies in Slavic linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 2013.
38. Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor, 2000.
39. Zatoškaňuk M. Neosobní predikativa á utvary príbuzné, zvlášté v ruštine // Rozvpravy Československé akademie věd, 1965. Sešit 6, 75.
40. Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure [Linguistik International, Band 21] / Gerhild Zibatow, Uwe Junghanns, Denisa Lenertova, Petr Biskup (eds.). Peter Lang, 2009.
41. Zimmerling A. Sentential arguments and event structure // Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 13 (20). М., 2014.
42. Žele A. Uhlik M. 2016: Primerjalna analiza dveh tipov stavčnih zgradb s povedkovim določilom v slovenščini in ruščini // Slavistična revija 64/3.

A.V. Zimmerling

PARAMETRIC DESCRIPTION OF PREDICATIVES: SYNTAX AND SEMANTICS

Predicatives, datives, dative-predicative structures, Slavic languages, syntax, semantics, state, evaluation.

Most Slavic languages have a class of non-verbal predicatives with statal or modal meaning. However, lexicographic descriptions of predicatives covering the modern usage have not been proposed for any Slavic language. The thematic panel organized at the XVI International conference of Slavists (Belgrade, 2018) aims at defining the volume of the class of predicatives licensing dative-predicative-structures in Russian, Serbian, Bulgarian, Macedonian, Slovenian and Ukrainian as well as at parametrizing the factors which predict the dative case-marking on the subject, distribution of dative vs accusative markings, dative-predicative vs dative-nominative structures.

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

30 августа – 2 сентября на ВДНХ прошел Московский международный форум «Город образования», организованный при поддержке Правительства Москвы. Одним из основных мероприятий форума 31 августа стала презентация специального пособия для московских педагогов – «Словаря корпоративных смыслов московской системы образования», созданного при поддержке Департамента образования г. Москвы совместно с Институтом Пушкина и Московским центром развития кадрового потенциала образования. В презентации приняли участие ректор института М.Н. Русецкая, проректор по науке М.А. Осадчий, ведущий научный сотрудник А.И. Ольховская, директор МЦРКПО А.И. Рытов, тренер коммуникационных программ В. Рубан.

Создатели словаря старались включать в него только неологизмы, которые появились в языке и начали активно употребляться в последнее десятилетие. Те новые и актуальные языковые единицы, которые уже описаны в других словарях и педагогических энциклопедиях, включены не были.

Словарь состоит из двух неравноправных частей. В первой части словарные статьи систематизированы в алфавитном порядке – для поиска непонятных человеку слов. Во второй дана тематическая классификация ключевых понятий московской системы образования – для использования в собственной речи.

По материалам сайта pushkin.institute